

DOI: <https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2022-1-1-19-39>

Универсальный правозащитный механизм на страже сохранения или ревизии института семьи

Аслан Х. Абашидзе

доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой международного права,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: abashidze-akh@rudn.ru;
ORCID: 0000-0003-0012-8795; JEL-code: K38 Human Rights Law

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка комплексно проанализировать институт семьи, который нашел закрепление во Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) и в двух Международных пактах о правах человека - Международном пакте о гражданских и политических правах (МПГПП) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП), которые совместно с ВДПЧ образуют Международный билль о правах человека.

В работе тщательно изучены мнения соответствующих договорных органов, наделенных полномочиями осуществлять международный контроль за выполнением государствами-участниками Международных пактов о правах человека в лице Комитета по правам человека и Комитета по экономическим, социальным и культурным правам применительно к институту семьи, выраженные ими в своих замечаниях общего порядка и соответствующих заключительных замечаниях по периодическим докладам государств-участников Международных пактов.

В сравнительном порядке излагаются также мнения Европейского суда по правам человека и других договорных органов по правам человека применительно к институту семьи.

В статье в целом отмечается сохранение того подхода, что был заложен в институте семьи в соответствующих Международных пактах о правах человека, а также отклонения от него, что квалифицируется автором как полномочия *ultra vires*, которыми наделены соответствующие договорные органы по правам человека.

Ключевые слова: международное право; семья; Международный пакт о гражданских и политических правах; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; замечания общего порядка; договорные органы по правам человека; периодические доклады государств; заключительные замечания по периодическим докладам государств.

Отбасы институтын сақтау немесе қайта қарау күзетіндегі әмбебап құқық қорғау тетігі

Аслан Х. Абашидзе

заң ғылымдарының докторы, профессор

Ресей халықтар достастығы университетінің

халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі, Мәскеу, Ресей

e-mail: abashidze-akh@rudn.ru; ORCID: 0000-0003-0012-8795;

JEL-code: K38 Human Rights Law

Түйіндеме. Бұл мақалада Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясында (АҚЖБД) және АҚЖБД-мен бірге Адам құқықтары туралы халықаралық билльді құрайтын Адам құқықтары туралы екі халықаралық пактілерде – Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактіде (АСҚХП) және Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пактіде бекітілген отбасы институтын кешенді талдауға талпыныс жасалды.

Мақалада Адам құқықтары жөніндегі комитет пен Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар жөніндегі комитеті тарапынан Адам құқықтары туралы халықаралық пактіні мүше-мемлекеттердің орындауына халықаралық бақылауды жүзеге асыруға уәкілетті сәйкес шарттық органдардың пікірлері мұқият зерделенген. Олар Халықаралық пактілерге мүше-мемлекеттердің мерзімді баяндамалары бойынша олардың жалпы тәртіптегі ескертулеріне және сәйкес қорытынды ескертулерінде көрсетілген отбасы институтына қатысты қолданылады.

Салыстырмалы түрде Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық соттың және басқа да адам құқықтары жөніндегі келісім-шарттық органдардың отбасы институтына қатысты пікірлері де берілген.

Жалпы мақалада Адам құқықтары туралы сәйкес халықаралық пактілерде отбасы институтында бекітілген тәсілдеменің сақталуы, сондай-ақ автормен сәйкес адам құқықтары туралы шарттық органдармен берілген *ultra vires* өкілеттіктері ретінде жіктелетін одан ауытқулар атап өтіледі.

Негізгі сөздер: халықаралық құқық; отбасы; Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт; Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пакт; жалпы тәртіптегі ескертулер; адам құқықтары жөніндегі шарттық органдар; мемлекеттердің мерзімді баяндамалары; мемлекеттердің мерзімді баяндамалары бойынша қорытынды ескертулер.

Universal human rights mechanism on guard of preservation or revision of the institution of family

Aslan Kh. Abashidze

Doctor of Law, Professor

Head of the Department of International Law

RUDN University, Moscow, Russia

e-mail: abashidze-akh@rudn.ru;

ORCID: 0000-0003-0012-8795; JEL-code: K38 Human Rights Law

Abstract: The article attempts to comprehensively analyze the institution of family, which is enshrined in the Universal Declaration of Human Rights (UDHR) and in two International Covenants on Human Rights - the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR), which together with the UDHR form the International Bill of Human Rights.

The article examines the views of relevant treaty bodies empowered to monitor the implementation of the International Covenants on Human Rights by States parties, represented by the Human Rights Committee and the Committee on Economic, Social and Cultural Rights in relation to the institution of the family, expressed by them in their general comments and related concluding observations on the periodic reports of States parties to the International Covenants.

The opinions of the European Court of Human Rights and other human rights treaty bodies in relation to the institution of the family are also presented in comparative order.

The article emphasizes that the preservation of the approach that was laid down in the institution of family in the relevant International Covenants on Human Rights, as well as deviations from it, which the author qualifies as *ultra vires* powers vested in the relevant human rights treaty bodies.

Key words: international law; family; International Covenant on Civil and Political Rights; International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights; general comments; human rights treaty bodies; periodic reports of States; concluding observations on the periodic reports of States.

I. Система договорных органов по правам человека

Нынешнее состояние мировой политики и международного правопорядка, если воспользоваться материалами ежегодного заседания (XVIII) Международного дискуссионного клуба «Валдай» (октябрь 2021 г.), можно кратко охарактеризовать так: «Глобальная встряска в эпоху грандиозных перемен».

Происходящая встряска затрагивает прежде всего устои международного правопорядка, установленного после окончания Второй мировой войны,

стержнем которого выступает универсальная система Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по поддержанию мира и международной безопасности на коллективной основе. Следовательно, в нынешних условиях, наблюдая за происходящим в межгосударственных отношениях, прежде всего ведущих держав мира, включая постоянных членов Совета Безопасности ООН, на который возложена по Уставу главная ответственность за состояние мира на глобальном уровне, очевидно, что человечество вступило в эпоху грандиозных перемен, которые, безусловно, затронут и международный правопорядок, включая ООН.

В этой ситуации все ключевые элементы международного правопорядка окажутся (или уже находятся) перед испытанием их прочности и незаменимости в условиях новых вызовов, а также гибкости реформироваться в прогрессивном направлении.

Сказанное полностью относится к сложившейся системе международной защиты прав человека, нормативной и концептуальной основой которой выступают пункт 3 статьи 1, пункт с) статьи 55 и статья 56 Устава ООН, согласно которым ООН содействует, а государства-члены своими действиями в индивидуальном или коллективном порядке поддерживают «всеобщее уважение и соблюдение прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» с целью «создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями...».

Институциональная основа международной системы защиты прав человека (как составная часть международной системы коллективной безопасности) представлена главными органами ООН, обладающими соответствующими полномочиями в сфере защиты прав человека и их функциональными правозащитными механизмами, которая претерпела существенную реформу в начале XXI в. Нормативную основу международной системы защиты прав человека образуют международные акты по правам человека, среди которых выделяются Всеобщая декларация прав человека (далее – ВДПЧ) и девять международных договоров по правам человека с факультативными протоколами, на базе которых функционируют десять договорных органов по правам человека в лице девяти Комитетов и одного Подкомитета.

О роли и значении договорных органов по правам человека лаконично сказано в Докладе Верховного комиссара ООН по правам человека, где они представлены в качестве механизмов, «переводящих универсальные нормы по правам человека в социальную справедливость и благополучие индивидов» (Report of the UN High Commissioner for Human Rights, 2012).

Несмотря на такую высокую оценку роли и значения системы договорных органов по правам человека, по инициативе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ) в 2014 г. был запущен межгосударственный процесс по повышению эффективности этой системы, прежде всего и преимущественно путем изыскания внутреннего резерва своего потенциала, «памятуя при этом о том, что эта деятельность должна быть созвучна положениям соответствующих договоров и тем самым не создавать

новых обязательств для государств-участников» (пункт 9) (Резолюция ГА ООН 68/268, 2014).

В свете сказанного нами анализируется деятельность одного из ведущих договорных органов по правам человека – Комитета по правам человека (далее – КПЧ), по осуществлению им международного контроля относительно применения государствами-участниками (ныне их 173) статьи 23 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) о праве основывать семью, защита которой становится архиважным вопросом в условиях резкой активизации усилий на всех уровнях правозащитной деятельности, связанных с «сексуальной ориентацией» и «гендерной идентичностью». Такой анализ имеет многомерное измерение, в том числе в контексте сказанного в пункте 9 вышеприведенной резолюции ГА ООН 68/268 о том, что деятельность договорных органов по правам человека «должна быть созвучна положениям соответствующих договоров», чтобы «не создавать новых обязательств для государств-участников», т.е. не заниматься деятельностью, в нашем случае не относящейся к полномочиям КПЧ.

В начале анализа проясним некоторые общие положения, связанные с международной нормативной правозащитной основой. На основе соответствующих правозащитных положений Устава ООН, упомянутых выше, в 1948 г. была принята ВДПЧ, в которой нашел закрепление т.н. «каталог» основных прав и свобод человека в лице гражданских (личных), политических, экономических, социальных и культурных прав, которые впоследствии были закреплены в двух Международных пактах о правах человека 1966 г. – Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП) и Международном пакте о гражданских и политических правах. Эти два Международных пакта, образуя вместе с ВДПЧ Международный билль о правах человека, сформировали основу для целого ряда международных договоров, имеющих обязательную силу и охватывающих широкий спектр правозащитной проблематики; в них закреплены фундаментальные нормы, послужившие стимулом для разработки более ста универсальных и региональных конвенций, деклараций, сводов правил и принципов в сфере прав человека.

Среди этих международных договоров по правам человека выделяются девять, которые по классификации УВКПЧ именуется «основными», на базе которых, а также факультативных протоколов к ним функционируют договорные органы по правам человека, включая КПЧ, в функции которого входит наблюдение за осуществлением гражданских и политических прав, изложенных в МПГПП, в том числе статья 23 о семье.

Из шести составляющих частей МПГПП часть III является «стержнем» Пакта: в ней закреплены материальные индивидуальные права. В части IV предусматривается учреждение КПЧ, определяются его контрольные функции и регламентируются технические и процедурные вопросы.

КПЧ состоит из 18 членов (экспертов), обладающих признанной компетентностью в области прав человека. При осуществлении своих функций КПЧ выполняет следующие обязанности: получает и рассматривает доклады

государств-участников о мерах, принимаемых для осуществления прав, закрепленных в Пакте; готовит замечания общего порядка, целью которых является оказание помощи государствам-участникам в выполнении положений Пакта, обязательств государств-участников; получает и рассматривает индивидуальные сообщения (жалобы) в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту, направляемые отдельными лицами, которые утверждают, что государство-участник нарушило их права по Пакту; рассматривает жалобы государства-участника на несоблюдение другим государством-участником своих обязательств по МПГПП.

Переходя к анализу по существу, следует обратить внимание на два обстоятельства: положения о семье, которые были закреплены в статье 16 ВДПЧ, нашли дальнейшее отражение в различных контекстах в обоих Международных пактах – в статье 23 МПГПП и статье 10 МПЭСКП; в этих же Пактах нашли отражение в одинаковой степени ключевые характерные элементы института семьи. Отсюда и другое обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание: соответствующим комитетам – КПЧ и КЭСКП, с одной стороны, следует помнить, что их деятельность должна быть, как сказано в пункте 9 резолюции ГА ООН 68/268, «созвучной» положениям соответствующих Пактов (что предполагает, что их деятельность должна отличаться), а, с другой стороны, эти комитеты должны стремиться предельно адекватно уважать и беречь общие базовые элементы института семьи, которые отражены в обоих Международных пактах в качестве «естественного образования». Сказанное, в частности, предполагает необходимость организации договорными органами по правам человека «скоординированного консультативного процесса», о чем говорится в пункте 14 резолюции ГА ООН 68/268, или же «ускорения процесса повышения согласованности» в системе договорных органов, о чем также говорится в пункте 38 данной резолюции.

Безусловно, всесторонний сравнительный анализ этих и связанных с ними моментов предполагается в данном исследовании, однако следует уточнить, что деятельность другого комитета – КЭСКП, осуществляющего международный контроль по МПЭСКП, включая по статье 10 о семье данного Пакта, будет затрагиваться лишь в сравнительном срезе путем заимствования соответствующего материала, который уже опубликован в виде отдельной научной статьи (Абашидзе, 2021). Добавим, что упомянутая публикация облегчает нашу задачу и в части исследования соответствующих замечаний общего порядка, уже принятых КПЧ, в которых затрагиваются аспекты семьи по статье 23 МПГПП.

II. Институт семьи в Международном билле о правах человека

В начале исследования по существу изложим основные положения статьи 23 МПГПП. Она состоит из четырех пунктов.

По пункту 1 «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства». Для понимания ключевых составляющих семьи, как естественного образования, важными

являются положения пунктов 2 и 3, где говорится об институте брака. Согласно пункту 2, «за мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, признается право на вступление в брак и право основывать семью». Конструкция изложения данного положения указывает на то, что брак заключается между мужчиной и женщиной, и на то, что семья основывается на браке, что признается в качестве права человека. Такое понимание подтверждается и тенденцией последнего времени, выражающейся в том, что в некоторых государствах на уровне конституции или закона были приняты дополнения и уточнения о том, что брак – это союз между мужчиной и женщиной.

Согласно пункту 3, брак заключается только на основе свободного волеизъявления и полного согласия вступающих в брак мужчин и женщин, достигших брачного возраста.

В пункте 4 под понятием «супруги» подразумеваются вступающие в брак мужчины и женщины, которые обладают равными правами и обязанностями «в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и при его расторжении». По этому пункту государству-участнику вменяется обязательство обеспечить равенство между супругами.

Как мы заметили, на фоне изложенных ключевых положений статьи 23 МПГПП, в ней, а также в Пакте в целом нет официально согласованного определения понятия «семья», однако, как уже было отмечено, в четырех пунктах данной статьи Пакта указаны ключевые составляющие семьи как естественного образования.

В дополнение к положениям статьи 23 МПГПП следует упомянуть также статью 17 Пакта, закрепляющую запрет произвольного вмешательства в «семейную жизнь», и статью 24 Пакта, предусматривающую защиту прав ребенка как такового или «в качестве члена семьи», по отношению которого КПЧ осуществляет международный контроль и которые следует учесть в своей деятельности.

При анализе соответствующих замечаний общего порядка КПЧ, разъясняющих те или иные положения статьи 23 МПГПП, мы попытаемся изложить их в концентрированном виде, опираясь на уже опубликованный нами материал (Абашидзе, 2021).

КПЧ в своем Замечании общего порядка №19, принятом в 1990 г., констатирует факт, на наш взгляд, важного концептуального значения: понятие семьи в определенных аспектах может отличаться как в различных государствах, так и в пределах одного государства, что затрудняет выработку согласованного определения семьи. Однако при этом КПЧ предупреждает, что, когда в национальном законодательстве определена семья, соответствующее государство обязано ее защищать. В тех государствах-участниках Пакта, в которых существуют такие семьи, как «незарегистрированные супружеские пары, их дети» или «одинокое родители и их дети», государства должны сообщать в своих периодических докладах о том, признаются и защищаются ли они, и в каком объеме. Уточним, что под «супружескими парами» здесь подразумеваются мужчина и женщина.

Следует также заметить, что КПЧ в данном документе делает основной акцент на разъяснении тех положений, которые связаны с защитой семьи со стороны государства. Это обусловлено тем, что по статье 23 МПГПП государство-участник обязано «принимать меры законодательного, административного и иного характера».

Комитет призвал государства-участники Пакта сообщать о действующих ограничениях по осуществлению права на вступление в брак на основе таких факторов, как, например, умственная отсталость.

По вопросу определения брачного возраста КПЧ уточняет, что этот возраст для мужчин и женщин должен быть таким, чтобы их согласие считалось «свободным», «полным» и «личным».

Комитет высказал свое мнение и по другим положениям МПГПП. В частности, право на свободу совести и религии предполагает, что в законодательстве страны должна быть предусмотрена возможность заключения как религиозного, так и гражданского брака. При этом требование государства, чтобы брак, заключаемый в соответствии с религиозными обычаями, подтверждался согласно нормам гражданского права, по мнению КПЧ, не является нарушением Пакта.

На наш взгляд, чрезвычайно важным уточнением КПЧ является то, что право основывать семью «подразумевает возможность произведения потомства», что по природе могут мужчина и женщина, и, наоборот, что не в состоянии сделать «однополые зарегистрированные пары».

Комитет считает, что равенство прав и обязанностей супругов распространяется на такие вопросы, как «выбор местожительства», «ведение домашнего хозяйства», «образование и воспитание детей», «распоряжение имуществом», и это равенство также должно быть обеспечено в случаях раздельного проживания супругов и расторжения брака.

По мнению КПЧ, государствам следует обеспечить соблюдение принципа обеспечения наилучших интересов ребенка в случаях установления режима раздельного проживания, развода, опекуна над ребенком, выплаты содержания или алиментов, посещения ребенка, утраты или восстановления родительских прав.

Как мы видим, в 1990 г., когда принималось Замечание общего порядка №19, посвященное разъяснению статьи 23 МПГПП, для КПЧ не существовало каких-либо вопросов и тем более проблем, связанных с «сексуальной ориентацией» или же «гендерной идентичностью», в контексте осуществления статьи 23 МПГПП о семье.

Имея в виду это обстоятельство, далее попытаемся изучить позицию КПЧ за период (2016–2019 гг.), отраженную в заключительных замечаниях по периодическим докладам соответствующих государств-участников МПГПП. В этом отношении сразу заметим, что в заключительных замечаниях этого периода почти на постоянной основе в них значится раздел о дискриминации по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Что касается содержательной части этих разделов, то начнем анализ соответствующих положений заключительных замечаний (далее – ЗЗ) по четвертому

периодическому докладу Чехии. Комитет выразил обеспокоенность тем, что в Законе Чехии о зарегистрированном партнерстве лицам, находящимся в таком партнерстве, запрещено усыновлять детей. В дополнение Комитет выразил возмущение по поводу того, что это положение по-прежнему сохраняется в данном Законе, несмотря на решение Конституционного суда о неконституционности данного положения Закона. Таким образом, получилось так, что Комитет не захотел дожидаться результатов процесса обсуждения в тот момент «законопроекта об однополых браках», и так торопился, что не «уловил» конечную цель этого процесса: перевод однополых пар из «зарегистрированного» положения в «однополые браки».

Другим обстоятельством, по поводу которого КПЧ «сожалеет» применительно к этой стране, – это требование действующего закона, чтобы трансгендеры проходили обязательную стерилизацию в качестве предварительного условия для юридического признания их пола. В качестве основания для отмены данного положения закона КПЧ приводит решение, принятое Европейским комитетом по социальным правам в 2018 г. по делу «Трансгендерная Европа и МАЛГ – Европа против Чешской Республики» (*Transgender-Europe and ILGA-Europe v. Czech Republic*, 2015). Ссылка КПЧ, являющегося правозащитным органом универсального уровня, на решение регионального правозащитного органа (каковым является Европейский комитет по социальным правам), относящегося при этом к непрофильным органам (таким на универсальном уровне является КЭСКП), и позиция этого регионального непрофильного правозащитного органа как «обоснования» «озабоченности» КПЧ, на наш взгляд, представляет собой пример отрицания КПЧ таких основополагающих принципов международного права, как универсальной юрисдикции, приоритета международных обязательств, взятых на основе Устава ООН (статья 103) в отношении обязательств, взятых государством-членом ООН по другим международным договорам, и иерархичности источников международного права. В этом контексте КПЧ мог бы учесть и правовую позицию другого регионального правозащитного органа – Европейского суда по правам человека, согласно которой толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. следует осуществлять «в системном единстве с иными международно-договорными обязательствами государства» (Харрис и др., 2016).

КПЧ, к сожалению, этим не ограничивает свою «озабоченность»: он «обеспокоен» также требованием национального закона страны о наличии психиатрического диагноза в качестве предварительного условия для юридического признания пола.

Примечательным является и язык директивного характера «рекомендаций» КПЧ при составлении параграфа 13, адресованного правительству Чехии: «следует пересмотреть» соответствующее законодательство для обеспечения «в полной мере равного обращения с однополыми парами, в том числе путем рассмотрения возможности признания их «права на совместное усыновление/удочерение детей»; «отменить» «неправомерные требования» в отношении юридического признания пола, включая обязательную стерилизацию

и психиатрическую диагностику, и применять процедуру признания пола «на основе самоидентификации заявителя» (Заключительные замечания КПЧ ССР/С/СЗЕ/СО/4, 2019).

КПЧ в 33 по Нигерии в отсутствие второго периодического доклада выразил обеспокоенность по поводу того, что в УК страны предусмотрена уголовная ответственность за однополые связи между взрослыми лицами по взаимному согласию, а в Законе о запрещении однополых браков предусматривается наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет лиц, которые вступают в однополые союзы, и наказание в виде лишения свободы сроком на 10 лет всех лиц, которые оказывают поддержку группам, выступающим за защиту прав ЛГБТИ, проводят встречи и формируют такие группы.

Директивный язык звучит и здесь в «рекомендациях», адресованных суверенному государству: «государству-участнику следует отменить уголовную ответственность за однополые связи... запретить осуществлять аресты, судебные преследования...»; «Ему следует рассмотреть вопрос об отмене Закона о запрещении однополых браков и пересмотреть все другие соответствующие законодательные акты. До проведения такого пересмотра эти меры не должны применяться» (Заключительные замечания КПЧ ССР/С/НГА/СО/2, 2019).

В 33 по третьему периодическому докладу Вьетнама, в котором соответствующий раздел обозначен еще более многозначно («Сексуальная ориентация, гендерная идентичность, интерсексуальный статус...»), КПЧ «приветствует» усилия государства-участника по улучшению положения ЛГБТИ, в том числе посредством отмены запрета на «однополые браки» и обеспечения юридического признания пола. Однако и здесь КПЧ нашел основания для «беспокойства» по поводу «отсутствия юридического признания и защиты однополых пар» (Заключительные замечания КПЧ ССР/С/ВНМ/СО/3, 2019).

Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Судана примечательны, исходя из двух позиций, выраженных КПЧ, которые указывают на логическую непоследовательность: в разделе «Полигамия» КПЧ оценивает эту практику как «несовместимую» с принципом равенства между мужчинами и женщинами в части права на вступление в брак, поскольку она «оскорбляет достоинство женщин», и вместе с тем в разделе «Недискриминация» КПЧ «обеспокоен» наличием в законах о семье и личном статусе «закоснелых» дискриминационных положений, касающихся сексуальной ориентации. Получается, что в первом случае КПЧ видит «оскорбление достоинства женщин», а во втором случае – нет, более того, по поводу второго случая КПЧ требует, чтобы государство-участник «гарантировало» лицам одного пола, вступающим в половую связь по взаимному согласию, «защиту» и «отмену» соответствующих статей в УК (Заключительные замечания КПЧ ССР/С/СДН/СО/5, 2018).

В 33 по четвертому периодическому докладу Болгарии КПЧ выражает «обеспокоенность», что «однополые пары не могут формировать никакой из признаваемых законом союзов или усыновлять / удочерять детей...». Комитет также «обеспокоен» препятствиями на пути юридического признания перемены пола, в том числе «сообщениями» о том, что основанием для признания такой

перемены судами является «лишь прохождение гормональной терапии». В качестве «рекомендаций» КПЧ требует ликвидировать де-юре и де-факто дискриминацию лиц по признаку их сексуальной ориентации и гендерной идентичности «в брачно-семейных отношениях» (Заключительные замечания КПЧ ССР/С/ВГР/СО/4, 2018).

В 33 по четвертому периодическому докладу Литвы КПЧ «испытывает озабоченность» по многим обстоятельствам в связи с: «стойкостью стереотипных установок, предрассудков, враждебности и дискриминации» в отношении ЛГБТИ; «тем, что определенные правовые инструменты, например, Закон о защите несовершеннолетних от негативного влияния публичной информации, могут применяться, в том числе службой инспектора по журналистской этике, для ограничения медиа- и иного контента таким образом, чтобы это неоправданно ограничивало свободу выражения мнений» в отношении ЛГБТИ; «различными законодательными инициативами», которые ограничивали бы пользование правами ЛГБТИ; «отсутствием в законодательстве и процедурах ясности в отношении изменения гражданского статуса в плане гендерной идентичности, и в особенности в связи с отсутствием законодательства, допускающего процедуры перемены пола и изменения гражданского состояния без хирургического изменения пола».

В качестве «рекомендаций» правительству Литвы предписывается «пересмотреть соответствующее законодательство с тем, чтобы в полной мере признавать равенство однополых пар, и обеспечить, чтобы законодательство относительно изменения гражданского состояния в отношении гендерной идентичности носило ясный характер и применялось в соответствии с правами, гарантированными по Пакту, в том числе путем введения законодательства о процедурах по перемене пола» (Заключительные замечания КПЧ ССР/С/LTU/СО/4, 2018).

Следует заметить, что КПЧ нередко применяет словосочетание в качестве призыва государства-участника действовать «в соответствии с правами, гарантируемыми по Пакту», однако на практике понимаемое Комитетом, а не государствами-участниками.

В 33 по первоначальному докладу Либерии КПЧ испытывает озабоченность в связи с «криминализацией однополых отношений между взрослыми по взаимному согласию» и «попытками ужесточить наказание за однополые браки и запретить их»; сообщениями о притеснениях и репрессиях в отношении правозащитников и организаций, отстаивающих «права» и «интересы» ЛГБТИ.

Следует обратить особое внимание на аргументы по обоснованию рекомендаций государству-участнику: «признавая многообразие нравственности и культур в международном отношении, Комитет напоминает, что государственные законы и практика должны всегда соотноситься с принципами универсальности прав человека и недискриминации». В качестве «универсального права» КПЧ преподносит следующее: государству-участнику следует в приоритетном порядке декриминализовать однополые сексуальные отношения между взрослыми по взаимному согласию...». На основе такого «обоснования» вытекают и его «рекомендации», а на деле диктат государству-

участнику: «устранять любые барьеры» в пользовании правами» ЛГБТИ; «гарантировать на практике безопасность», а также «права» и «интересы» ЛГБТИ, правозащитников и организаций на «свободу выражения мнений». Более того, КПЧ призывает государство-участник облегчать жертвам доступ к правосудию «путем укрепления доверия» между ЛГБТИ и «государственными ведомствами» (Заключительные замечания КПЧ ССР/С/LBR/CO/1, 2018).

В 33 по пятому периодическому докладу Маврикия КПЧ выразил свою обеспокоенность тем, что ЛГБТИ «официально не разрешается вступать в брак или гражданские партнерства и им отказано в осуществлении других прав, касающихся гражданского состояния». В рекомендациях КПЧ призывает государство-участник «решительно предотвращать проявления и защищать от всех форм дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности» в отношении ЛГБТИ и «включать данные основания дискриминации во все соответствующие законодательные акты, в том числе Уголовный кодекс». При этом правительству предписывается «принять все необходимые меры» по искоренению дискриминации в отношении ЛГБТИ, касающиеся брака или гражданских партнеров, и «отменить статью 250 Уголовного кодекса». Государству-участнику также вменяется подготовка сотрудников полиции, судей и прокуроров и проведение «информационно-просветительские кампании для населения по вопросам прав ЛГБТИ». Как мы видим, КПЧ приравнивает «гражданское партнерство» к «браку» и на основании неразрешения в этой стране «официальных» однополых союзов Комитет квалифицирует «дискриминацию» по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности и призывает государство-участник принять необходимые меры по искоренению дискриминации в отношении ЛГБТИ, «касающиеся брака» (Заключительные замечания КПЧ ССР/С/MUS/CO/5, 2017). Здесь имеют место необоснованные с позиции международного права права человека утверждения и попытка подменять понятия.

В 33 по седьмому периодическому докладу Колумбии фиксируется удовлетворение Комитета применительно к судебной практике Конституционного суда, согласно которой однополым парам гарантируются права на оформление «гражданского брака и на усыновление» и усиление борьбы с практикой дискриминации таких лиц. Однако Комитет обеспокоен «сообщениями» о том, что ЛГБТИ подвергаются «противоправным действиям со стороны сотрудников полиции». Отсюда и «рекомендация»: государству-участнику «следует принять более решительные меры для недопущения актов дискриминации со стороны сотрудников сил безопасности и наказания виновных» (Заключительные замечания КПЧ ССР/С/COL/CO/7, 2016).

Положения, отраженные в 33 по третьему периодическому докладу Словении, прямо указывают на игнорирование со стороны КПЧ элементарных основ демократии. Дело в том, что КПЧ «сожалеет о том, что поправки к Закону о браке и семейных отношениях, предусматривающие равные права для однополых пар в вопросах наследования, доступа к репродуктивным процедурам и возможности усыновлять детей, были вынесены на референдум в декабре 2015

года, несмотря на закрепленные в Конституции положения об обратном, и были отклонены».

По мнению КПЧ, отказ народа путем референдума принимать предложенные поправки к Закону о браке и семейных отношениях является «антиконституционным». На этой основе «государству-участнику следует обеспечить», чтобы всем ЛГБТИ «были гарантированы равные права в соответствии с Пактом и Конституцией» (Заключительные замечания КПЧ ССРР/С/SVN/CO/3, 2016).

Получается, что КПЧ не признает право народа (т.е. источника власти) путем референдума изменить не только соответствующее положение действующего закона (в нашем случае Закон о браке и семейных отношениях), но и соответствующее положение самой Конституции, что полностью вытекает из сути народовластия (демократии).

В 33 по шестому периодическому докладу Австралии КПЧ явно проигнорировал рекомендуемые УВКПЧ ограничения по объему при составлении 33, уделяя чрезмерное внимание вопросам, связанным с сексуальной ориентацией, гендерной идентичностью и интерсексуальному статусу. Комитет прежде всего высказал свое недовольство процедурой назначения второго этапа гормональной терапии молодым людям, у которых была диагностирована гендерная дисфория, для чего требуется разрешение суда по семейным делам; Комитет видит задержку и расходы в этой процедуре получения разрешения суда на это. Другим обстоятельством для обеспокоенности КПЧ послужило то, что в большинстве штатов от трансгендерных лиц для изменения юридической записи пола в основных документах требуется согласиться на соответствующее хирургическое или медицинское вмешательство и не состоять в браке. В связи с этим КПЧ «рекомендует» государству-участнику ускорить доступ ко второму этапу курса гормональной терапии для лиц с гендерной дисфорией, в том числе «путем устранения необходимости в получении судебного разрешения» при наличии согласия родителей ребенка и группы медиков и при условии, что лечение проводится в соответствии с медицинскими протоколами и стандартами ухода. Такая позиция КПЧ вызывает удивление, ибо она требует устранения судебных гарантий, которые считаются самыми эффективными среди других правовых средств защиты. Другая рекомендация КПЧ заключается в принятии государством-участником мер, необходимых «для устранения требований согласиться на хирургическое вмешательство и не состоять в браке для смены пола в свидетельстве о рождении, смерти и браке...». Опять мы имеем дело с позицией КПЧ, противоречащей пониманию «гендера» самих сторонников защиты ЛГБТИ, на чем более подробно остановимся позже. В этом случае по логике КПЧ получается, что соответствующее лицо может измениться юридически в части пола, не изменяя при этом самого пола путем хирургического вмешательства. Если этот подход использовать на практике, тогда, например, многие виды спортивных соревнований могут исчезнуть, ибо мужчины, на словах представляя себя женщинами, могут бороться за

олимпийские медали против женщин. К сожалению, этот процесс уже наблюдается в спортивной жизни в США.

Далее КПЧ обозначил основную причину его «беспокойства» «прямым запретом однополых браков в Законе 1961 года о браке», который, по его мнению, «является дискриминационным по отношению к однополым парам, в том числе в вопросах развода по отношению к парам, вступившим в брак за рубежом». Комитет и в этом случае проигнорировал «почтовый опрос», организованный государством-участником как законное средство по выяснению мнения населения по вопросу «легализации однополых браков». Комитет, наоборот, «считает, что использование опросов общественного мнения для защиты предусмотренных в Пакте прав в целом и прав на равенство и недискриминацию групп меньшинств в частности, не является приемлемым методом принятия решений; более того, такой подход чреват угрозой дальнейшей маргинализации и стигматизации представителей групп меньшинств». Такая позиция КПЧ подкрепляется соответствующей «рекомендацией» директивного характера: «государству-участнику следует пересмотреть свои законы, в том числе Закон о браке, с тем чтобы, независимо от результатов проводимого в Австралии почтового опроса относительно Закона о браке, все законодательство и политика страны обеспечивали реальную защиту ЛГБТИ, их пар и семей...» (Заключительные замечания КПЧ ССР/С/AUS/CO/6, 2017). В этом контексте интересно, какая была бы квалификация КПЧ, если в его повестке дня оказался бы вопрос о демократичности и легитимности результатов голосования по почте во время последних президентских выборов в США?

III. Ultra vires в деятельности правозащитных органов

Проведенный нами анализ соответствующих заключительных замечаний четко показывает возрастающую активность КПЧ применительно к проблемам ЛГБТИ и его стремление «расширить» рамки положений статьи 23 МПГПП. Для «обоснования» такой позиции КПЧ пользуется различными приемами, включая ссылку на документы регионального органа в лице Европейского комитета по социальным правам. По логике КПЧ следовало бы прежде всего ориентироваться на соответствующие наработки своей «сестры» – КЭСКП, который также занимается проблематикой семьи на основе статьи 10 МПЭСКП. Применительно к последнему, как уже отметили раньше, нами будут в тезисном порядке озвучены некоторые выводы, полученные в результате анализа деятельности КЭСКП в деле рассмотрения периодических докладов государств-участников МПЭСКП. Анализ рекомендаций, высказанных им за последние четыре года (2017–2020 гг.) в заключительных замечаниях по докладам 22 государств-участников МПЭСКП (представляющих все географические регионы и субрегионы мира), отчетливо показывает, какие аспекты являются для КЭСКП ключевыми при защите семьи. К ним относятся: равенство мужчин и женщин; члены семьи; планирование размеров семьи; семейная жизнь; лица, находящиеся на иждивении семьи; брак; религиозный брак; гражданский брак; ранние браки; брачный возраст; расторжение брака; супруги; общая

собственность супругов; наследование; незарегистрированные супружеские пары; раздельное проживание супругов; охрана семьи, матери и ребенка; пособия; материнство и беременность; оплачиваемый отпуск; аборт; дети; принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка; внебрачные дети; приемные дети; образование и воспитание детей; дети-инвалиды; дети мигрантов; принудительный труд / эксплуатация детей; опекунов над ребенком; алименты; родительские права и обязанности; посещение ребенка; жертвы насилия в семье и др. (Абашидзе, 2021).

Если сравнивать деятельность КПЧ и КЭСКО по данному вопросу, то до первого десятилетия XXI в. эти комитеты не затрагивали в своей деятельности обязательство государств-участников принять меры по приравниванию однополых пар к институту семьи. В последнее время в этом отношении активность проявляет КПЧ, а КЭСКО отличился в этом лишь один раз в адрес Словакии. В п. 14 и 15 заключительного замечания по периодическому докладу Словакии КЭСКО стал рассуждать в единых рамках о «партнерстве», «гражданском союзе», «однополых браках» и «однополых союзах». В таком контексте КЭСКО также стал выражать обеспокоенность по поводу «дискриминации по признаку гендерной идентичности и сексуальной ориентации». Иными словами, КЭСКО создал «конструкцию» из разных союзов: на основе брака и не брака, при этом сам же употреблял их раздельно: «однополый союз», «однополый брак» и «зарегистрированное партнерство». На основе такой «конструкции» и при отсутствии каких-либо правовых оснований, а также вне своей компетенции КЭСКО «рекомендовал» правительству Словакии «создать правовой институт, такой как зарегистрированные партнерства или гражданские союзы, который обеспечивал бы защиту, эквивалентную браку, для тех, кто находится в однополых отношениях» (Заключительные замечания КЭСКО E/C.12/SVK/CO/3, 2019).

Такая занимаемая КЭСКО позиция применительно к Словакии коренным образом отличается от его же прежней практики; этот случай, скорее, указывает на «внешнее» влияние своей «сестры» – КПЧ, а последний (КПЧ), к сожалению, не отличается взаимностью по отношению к «сестре» – КЭСКО: он, как мы видим, предпочитает ориентироваться на Европейский комитет по социальным правам.

На фоне сказанного возникает необходимость выяснения вопроса об истоках появления правозащитных аспектов, связанных с «гендерной идентичностью».

На доктринальном уровне утверждается, что впервые понятие «гендерной идентичности» в научный оборот ввел психоаналитик Роберт Столлер, выступая с докладом в 1963 г. на Международном конгрессе психоаналитиков в Стокгольме. Его концепция строилась на разделении биологического и культурного; он предложил различать понятия пола, рода и ядра родовой сущности: «пол» («sex») он относил к биологии, для определения которого требуется анализ хромосом наружных и внутренних половых органов, половых желез, соотношения гормонов и внутренних половых признаков; «гендер» («gender») подразумевает определенные психологические и культурные нюансы;

«родовая сущность» возникает с пониманием принадлежности к тому, а не иному полу: «ядро родовой сущности» означает убежденность в том, что человек правильно обозначил свой пол (Бадентэр, 1995).

Международные документы и подходы специализированных учреждений системы ООН, таких как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) не дают внятного ответа применительно к понятиям «гендер» и «гендерный». Например, пункт 2 Приложения к Пекинской платформе действий, принятой в ходе четвертой Всемирной конференции по положению женщин в 1995 г., где говорится о том, что слово «гендерный» используется и понимается в их «обычном общепринятом значении», не имеет никакого теоретического и тем более практического значения по той простой причине, что нет разъяснения этих понятий в их «обычном общепринятом значении» (Пекинская декларация и Платформа действий, 1995).

Согласно Заявлению Генерального директора о гендерной политике ВОЗ, понятия «гендер» и «гендерный» используются для описания тех характеристик женщин и мужчин, которые являются «социально-приобретенными», а «пол» является «биологическим предопределением».

В рамках ЮНЕСКО предпочитают говорить о «гендере», рамки которого охватывают роль и обязанности мужчин и женщин, которые определяются в семьях, обществе и культуре.

В Статуте Международного уголовного суда (далее – МУС), согласно его пункту 7, термин «гендерный» в контексте общества относится к обоим полам – мужскому и женскому (Римский статут МУС, 1998).

Позиция Комиссии международного права ООН (КМП), которая занимается в ООН вопросами кодификации и прогрессивного развития международного права под эгидой ГА ООН, с одной стороны, рекомендовала ГА ООН не ориентироваться на устаревшее понимание в Статуте МУС понятия «гендерный», а, с другой стороны, сама ориентируется по этому вопросу на Руководство МККК 2004 г., согласно которому «гендер» относится к культурно обусловленным ожиданиям по поводу поведения мужчин и женщин на основе ролей и установок, предписываемых им в зависимости от пола (ICRC, *Addressing the Needs of Women Affected by Armed Conflict: an ICRC Guidance Document*, 2004).

Как мы видим, при таком отношении к «гендеру» и «гендерным» аспектам трудно понять т.н. сущностные основания и измерения «гендерной идентичности» в правозащитном контексте.

В 2010 г. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – КЛДЖ), который осуществляет международный контроль за выполнением государствами-участниками Международной конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1979 г., выпустила Общую рекомендацию №28, где в пункте 5 дается определение понятия «гендерная принадлежность», которая относится к «социально обусловленным самобытным признакам, атрибутам и ролям, отводимым женщинам и мужчинам, к социально-

культурному значению, которое общество придает этим биологическим различиям».

«Гендерная идентичность» относится к «глубокому внутреннему самоощущению своего пола и личному опыту человека, которые могут совпадать или не совпадать с полом, определенным при рождении, включая личное восприятие своего тела (что может включать в случае свободного выбора изменение внешнего вида или функции органов с помощью медицинского, хирургического или иного вмешательства), а также другое выражение своей гендерной принадлежности через одежду, речь и манеры поведения» (Discrimination on grounds of sexual orientation and gender identity in Europe, 2011).

На фоне сказанного возникает обоснованный вопрос: что общего между международно-правовым основанием защиты семьи, создаваемой на основе брака между мужчиной и женщиной, и попыткой присвоить однополым зарегистрированным парам правовой статус семьи? Ответ однозначный: мало что общего. Именно по этой причине неубедительно и необоснованно выглядит позиция КПЧ, содействующего приравниванию двух антиподов – биологического и психологического продуктов в лице семей и однополых зарегистрированных пар.

Следует ответить и на вопрос о перспективе развития ситуации и ее негативном влиянии на международное сотрудничество государств в сфере защиты прав человека. В этом случае можно заимствовать авторитетное мнение президента РФ, высказанное в его речи на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. по данному аспекту.

Президент РФ, в частности, отметил: «Попытки ценностного диктата в условиях неопределенных и непредсказуемых перспектив ещё больше осложняют и без того острую ситуацию и влекут обычно обратную реакцию и обратный ожидаемому результат... Кто-то в западных странах уверен, что... «обратная дискриминация» большинства в интересах меньшинств или требование отказаться от привычного понимания таких базовых вещей, как мама, папа, семья или даже различие полов, – это, по их мнению, и есть вехи движения к общественному обновлению... У нас другая точка зрения... В совершенную фантазмагорию превратилась в ряде западных стран дискуссия о правах мужчин и женщин... Ревнителю новых подходов заходят так далеко, что хотят отменить сами эти понятия. Тех же, кто рискует сказать, что мужчины и женщины все-таки есть и это биологический факт, подвергают чуть ли не остракизму. «Родитель номер один» и «родитель номер два», «родивший родитель» вместо «мама», запрет на использование словосочетания «грудное молоко» и замена его «человеческим молоком» – чтобы люди, неуверенные в собственной половой принадлежности, не расстроились». Не говоря уже о просто чудовищных вещах, когда детям сегодня с малолетства внушают, что мальчик легко может стать девочкой, и наоборот, фактически навязывают им якобы имеющийся у каждого выбор. Навязывают, отстраняя от этого родителей, заставляя ребенка принимать решение, способное сломать ему жизнь. И никто даже не советуется с детскими психологами: способен ли ребенок принимать

подобного рода решение? Называя вещи своими именами, это уже на грани преступления против человечности и все под именем и знаменем прогресса» (Заседание дискуссионного клуба «Валдай», 2021).

Возвращаясь к основному вопросу, к деятельности КПЧ, мы видим, что Комитет избегает касаться ключевых положений статьи 23 МПГП, где зафиксированы те основы, которые характеризуют семью в качестве естественного образования. Для «преодоления» этих естественных барьеров заводится дискуссия по поводу необходимости наличия в государстве всеобъемлющего (всеохватывающего) антидискриминационного закона (или законодательства); при этом игнорируется тот факт, что во всех основополагающих актах, начиная с Устава ООН и ВДПЧ и заканчивая международными конвенциями по отдельным категориям или проблемам, среди дискриминационных признаков зафиксированы «пол» и все соответствующие положения, заканчивающиеся словами «по иным обстоятельствам», позволяющие правозащитным органам на международном и национальном уровнях защищать любых лиц от любых форм или видов дискриминации, включая ЛГБТИ. Вместо этого применяется общее рассуждение о необходимости запрещения всех форм дискриминации, и на этой основе «обобщаются» и затем «обосновываются» новые права групп лиц с вытекающими отсюда всеми правовыми последствиями, включая, например, претензии на те права, которые имеет семья, основанная на браке между мужчиной и женщиной, в частности, право на усыновление/удочерение. Именно об этом предупреждаются государства-участники ООН, принявшие резолюцию 68/268 о том, что деятельность договорных органов по правам человека, включая КПЧ, «должна быть созвучна положениям соответствующих договоров», чтобы «не создавать новых обязательств для государств-участников».

В этом контексте следует отметить, что даже Европейский суд по правам человека оказался более осторожным по сравнению с КПЧ в деле «необоснованного» расширения зафиксированных в статье 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод положений о праве вступать в брак и создавать семью. Как подтверждают конкретные дела (К.М. v UK, №30309/96, HUDOC (1997), DA; McMichael v UK, A 308 (1995), 20 EMRR 205), «если семью создает пара, не состоящая в браке, то различные, возникающие у них права будут охраняться статьей 8 Конвенции, а не статьей 12» (Харрис и др., 2016). Как мы видим, ЕСПЧ опирается на различные статьи Конвенции, даже в случае не состояния в браке пар, не пытаясь приравнять их правовой статус.

Если КПЧ проигнорирует сказанное и продолжит свою деятельность в том же русле, можно ожидать и пересмотра им своего же Замечания общего порядка №19 от 1990 г., где им же признается, что понятие семья в определенных аспектах может отличаться в различных государствах, и определение «семьи» является сугубо внутренним делом суверенного государства. Вместо этого КПЧ фиксирует «новые права» для однополых зарегистрированных пар и «новые обязательства» для государств-участников МПГП по приравниванию их правового статуса к статусу семьи.

В этом случае никто не может прогнозировать реакцию тех государств-участников МПГПП, которые пытаются сохранить твердую опору государственности – моральную, этическую и ценностную.

Список литературы

1. Абашидзе, А.Х. (2021). Институт семьи в Международном билле о правах человека: его понимание и применение. *Социально-политические науки*, 11(4), 13-21. doi:10.33693/2223-0092-2021-11-4-13-21

2. Заключительные замечания Комитета по правам человека по Нигерии в отсутствие ее второго периодического доклада. Документ ООН ССРР/С/НГА/СО/2. (2019, 29 августа). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/257/32/PDF/G1925732.pdf?OpenElement>.

3. Заключительные замечания Комитета по правам человека по первоначальному докладу Либерии. Документ ООН ССРР/С/ЛБР/СО/1. (2018, 27 августа). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/260/55/PDF/G1826055.pdf?OpenElement>.

4. Заключительные замечания Комитета по правам человека по пятому периодическому докладу Судана. Документ ООН ССРР/С/СДН/СО/5. (2018, 19 ноября). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/343/83/PDF/G1834383.pdf?OpenElement>.

5. Заключительные замечания Комитета по правам человека по третьему периодическому докладу Вьетнама. Документ ООН ССРР/С/ВНМ/СО/3. (2019, 29 августа). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2fPPRiCAqhKb7yhslrjZYHLHPYd-qrup6FR%2fpxpoKD6CFGnGSaZiMZA5cstApQ4%2fLSGVGL6rHIXBfZYdGtpV-yHAt62qHr%2fBkJk%2bg4ODAFWdcMdtJcCqftyRf5sC0>.

6. Заключительные замечания Комитета по правам человека по четвертому периодическому докладу Чехии. Документ ООН ССРР/С/СЗЕ/СО/4. (2019, 6 декабря). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://daccess-ods.un.org/tmp/1853293.47848892.html>.

7. Заключительные замечания Комитета по правам человека по четвертому периодическому докладу Болгарии. Документ ООН ССРР/С/ВГР/СО/4. (2018, 15 ноября). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://daccess-ods.un.org/tmp/1129458.32312107.html>.

8. Заключительные замечания Комитета по правам человека по четвертому периодическому докладу Литвы. Документ ООН ССРР/С/ЛТУ/СО/4. (2018, 29 августа). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2fPPRiCAqhKb7yhspsgIUbPkaTn-jMNKleQtzmSvqubwdPbSMKdnP%2fB2PGSrdg%2f%2boKitaQLnK448YuRFxbV-yd2PB5S7Agi8f2BSWO5y09SU%2bqa8ovOCzj20BK57>.

9. Заключительные замечания Комитета по правам человека по шестому периодическому докладу Австралии. Документ ООН ССРР/С/АУС/СО/6. (2017,

1 декабря). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G17/353/63/PDF/G1735363.pdf?OpenElement>.

10. Заключительные замечания Комитета по экономическим, социальным и культурным правам по третьему периодическому докладу Словакии. Документ ООН E/C.12/SVK/CO/3. (2019, 14 ноября). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSml-BEDzFEovLCuWx8AhHloWaPQKfnd2BAOkQNSKXtJaFyw3u2VrX%2ffxVoEU-QwmaxUDmNxNZKjWyVOPi0f%2fbnXJwTQqwfDmI4qbgVSC86A5Aomachtaw-tgI59dJ>.

11. Замечание общего порядка №19 Комитета по правам человека по статье 23 Международного пакта о гражданских и политических правах. Документ ООН HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I). (1990). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/422/37/PDF/G0842237.-pdf?OpenElement>.

12. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». (2021, 21 октября). Дата обращения: 30 июня, 2022, <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>.

13. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. Дата обращения: 30 июня, 2022, https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

14. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. Дата обращения: 30 июня, 2022, https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

15. Общая рекомендация № 28 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин 2010 г., касающаяся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Документ ООН CEDAW/C/GC/28. (2010, 16 декабря). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC-GEN/G10/472/62/PDF/G1047262.pdf?OpenElement>.

16. Пекинская декларация и Платформа действий. (1995). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20R.pdf>.

17. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Укрепление и повышение эффективности системы договорных органов по правам человека». Документ A/RES/68/268. (2014, 9 апреля). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/55/PDF/N1345555.pdf?OpenElement>.

18. Римский статут Международного уголовного суда (1998, 17 июля). Дата обращения: 30 июня, 2022, [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf).

19. Устав Организации Объединенных Наций (1945, 26 июня). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

20. Харрис, Д., О'Бойл, М., Уорбрик, К. (2016). Право Европейской конвенции по правам человека. Москва: Развитие правовых систем.

21. Бадентэр, Э. (1995). Мужская сущность. Москва: Новости.

22. Discrimination on grounds of sexual orientation and gender identity in Europe. (2011). Дата обращения: 30 июня, 2022, https://www.coe.int/t/Commissioner/Source/LGBT/LGBTStudy2011_en.pdf.

23. ICRC, Addressing the Needs of Women Affected by Armed Conflict: an ICRC Guidance Document, Geneva. (2004). Дата обращения: 30 июня, 2022, https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc_002_0840_women_guidance.pdf.

24. Report of the UN High Commissioner for Human Rights. UN Doc. A/67/222. (2012, 26 June). Дата обращения: 30 июня, 2022, <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/449/83/PDF/N1244983.pdf?OpenElement>.

25. Transgender-Europe and ILGA-Europe v. Czech Republic. (2015). Дата обращения: 30 июня, 2022, https://www.coe.int/en/web/european-social-charter/processed-complaints/-/asset_publisher/5GEFkJmH2bYG/content/no-117-2015-transgender-europe-and-ilga-europe-v-czech-republic?inheritRedirect=false.